НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ответственный за рубрику: Литвинов П.П.
© Исламоведение. 2021. Т. 12, № 4 (50)

ACADEMIC LIFE

Person in charge of the section: Litvinov P.P.
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2021. Vol. 12,
№ 4 (50)

DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-4-116-130

УДК 297.17:329.3

Содержание статьи

Информация о статье

Н.А. Нефляшева¹
О.В. Карпачева²

Введение.
Основная часть.
Заключение.

Поступила в редакцию: 27.10.2021.
Передана на рецензию: 29.10.2021.
Получена рецензия: 11.11.2021.
Принята в номер: 30.11.2021.

**«Дерадикализация политического ислама как насущная задача
современного цивилизационного развития: мировой и российский опыт».
Круглый стол в Институте Африки РАН**

Государственное бюджетное учреждение науки «Институт Африки Российской академии наук»; innef@mail.ru, ovkar76@gmail.com

В статье представлены теоретические и полевые исследования, в которых анализируются программы дерадикализации исламизма в разных странах. Актуальность данного вопроса обусловлена угрозой нарастания радикальных настроений в мире, а также очевидной бесперспективностью применения только силового подхода в борьбе с угрозами насильственного экстремизма, мотивированного религией.

В связи с этим вопрос поиска общей стратегии дерадикализации бывших членов экстремистских групп стоит очень остро. В представленных докладах и сообщениях обозначены проблемы, связанные с недостаточной проработанностью программ дерадикализации, выявлена необходимость адаптации программ дерадикализации к изменившимся социально-экономическим и политическим условиям в глобальном мире. Поставлен вопрос о критическом осмыслении опыта программ дерадикализации для России. Также отмечена необходимость выработки общего терминологического аппарата и важность разностороннего подхода к вопросу дерадикализации.

Ключевые слова: *исламизм, радикализация, дерадикализация, мягкая сила, терроризм, реинтеграция.*

¹ Наима Аминовна Нефляшева – старший научный сотрудник Государственного бюджетного учреждения науки «Институт Африки Российской академии наук», кандидат исторических наук.

² Ольга Владимировна Карпачева – научный сотрудник Государственного бюджетного учреждения науки «Институт Африки Российской академии наук», кандидат исторических наук.

DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-4-116-130

UDC 297.17:329.3

Content of the article

Information about the article

N.A. Nefliasheva³

O.V. Karpacheva⁴

Introduction.

The main text.

Conclusion.

Received: 27.10.2021.

Submitted for review: 29.10.2021.

Review received: 11.11.2021.

Accepted for publication: 30.11.2021.

"Deradicalization of Political Islam as an Urgent Task of Modern Civilizational Development: Global and Russian Practices". Roundtable discussion at the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences

Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; innef@mail.ru , ovkar76@gmail.com

"Deradicalization of political Islam as an urgent task of modern civilizational development: global and Russian practices" roundtable discussion was based on theoretical and field studies devoted to the analysis of programs of deradicalization of Islamism in different countries. The urgency of this issue is due to the threat of an increase in radical sentiments in the world, as well as the obvious futility of practicing only a coercive approach in combating the threats of violent extremism motivated by religion. In this regard, finding a common strategy for deradicalization of former members of extremist groups is a pressing matter. The presented reports raise problems related to the lack of elaboration of deradicalization programs and the need to adapt them to the changing socio-economic and political conditions. The question of critical re-evaluation of deradicalization programs for Russia and their implementation was discussed. The need to develop a common terminological apparatus and the importance of a versatile approach to the issue of deradicalization was also noted.

Keywords: *Islamism, radicalization, deradicalization, soft power, terrorism, reintegration.*

Введение

Экстремизм и радикальный исламизм продолжают оставаться одной из серьезных проблем не только для России, но и для мировой безопасности. В начале 2000-х гг. во многих странах мира была сформирована глобальная антитеррористическая повестка, в которой преобладали силовые подходы. Однако статистика и практика показали, что, несмотря на большое количество контртеррористических операций по всему миру, направленных на устранение вооруженных боевиков, угрозы не уменьшались. Многие государства в своей борьбе с терроризмом достигали успеха в краткосрочной перспективе, но терпели крах в долгосрочной.

Очевидность этих проблем подтверждает необходимость комплексной контртеррористической политики. Важными стратегическими целями в борьбе против экстремизма и терроризма, мотивированных религией, являются

³ Naima Aminovna Nefliasheva – Cand. Sc. (History), senior researcher at the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.

⁴ Olga Vladimirovna Karpacheva – Cand. Sc. (History), senior researcher at the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.

дерадикализация тех, кто уже совершил террористические акты, и предотвращение радикализации потенциальных рекрутов терроризма.

В России начиная со второй половины 2010-х гг. актуализировались поиски концептуальных основ дерадикализации исламистских групп, применяющих в своей практике насилие; стали подвергаться анализу внешние и индивидуальные факторы радикализации мусульман; намечены междисциплинарные подходы к решению проблемы, стали критически осваиваться опыт зарубежных стран и различные стратегии дерадикализации. В последние годы в России проведен ряд круглых столов и конференций, а в Московском государственном психолого-педагогическом университете заработал даже постоянно действующий семинар [1–6].

30 сентября 2021 г. в Институте Африки РАН по этому поводу тоже состоялся круглый стол с международным участием на тему «Дерадикализация политического ислама как насущная задача современного цивилизационного развития: мировой и российский опыт». Организатор круглого стола – Центр цивилизационных и региональных исследований (далее ЦЦРИ) ИАФР РАН. В его работе приняли участие специалисты-исламоведы (21 человек) из различных научных организаций.

Цели круглого стола – обмен мнениями по заявленной проблеме и обсуждение предварительных результатов исследования в рамках проекта «Радикальные исламистские движения на политической карте современного мира», реализуемого ЦЦРИ ИАФР РАН с 2015 г.

Планировалось осмысление теории и практик дерадикализации членов радикальных исламистских групп в рамках научной методологической дискуссии. В ходе дискуссии с позиций междисциплинарного подхода обсуждался практический опыт дерадикализации участников экстремистских организаций и групп в странах и регионах мира, затронутых их влиянием. Отдельное внимание в соответствии с профилем Института было уделено Африканскому континенту.

И.В. Следзевский (проф., д. ист. н., руководитель ЦЦРИ ИАФР РАН), открывая круглый стол, отметил, что на протяжении многих лет, с 2015 г. в ЦРИ реализуется проект «Радикальные исламистские движения на политической карте современного мира». «За это время опубликовано 4 тома, посвященных ситуации в регионах Северо-Восточной Африки, на Северном и Южном Кавказе, в глобальной зоне безопасности Евразийского региона, в зоне Африканского Рога. В 2016–2017 гг. в Центре был реализован проект «Молодежь в мировом исламистском движении». Следзевский подчеркнул, что «попытки разных государств справиться с радикализацией мусульман не привели к масштабным позитивным результатам. В связи с этим актуальны поиски стратегии дерадикализации. И в решении этой задачи интерес представляет опыт разных стран. На первый план мы выдвигаем опыт в реализации программ дерадикализации исламизма и обсуждаем этот вопрос в контексте современных проблем цивилизационного развития».

Н.А. Нефляшева (к. ист. н., с. н. с. ЦЦРИ ИАФР РАН) в докладе «Дерадикализация политического ислама: проблема дефиниций» остановилась на обзоре подходов к понятию «дерадикализация», характеристике тенденций в развитии современной историографии, критике концепции и практик дерадикализации. Докладчик указала, что за последние 20 лет в западноевропейской и американской историографии накоплен огромный материал (в виде монографий, глав, статей, правительственных отчетов, исследований think-

tanks, библиографических указателей) по проблематике дерадикализации исламистов. Нефляшева считает, что можно говорить о зарождении темы дерадикализации исламистов в России. Она рассказала о проведении ряда конференций, резолюции которых имеют концептуальный характер, о складывании региональных исследовательских школ в Казани и Москве по проблематике дерадикализации бывших участников экстремистских групп. Историографические обзоры последних лет, по мнению докладчика, свидетельствуют об общих чертах исследований о дерадикализации исламистов: все еще не выработаны научно обоснованные методики дерадикализации; в академических публикациях содержатся отсылки к программам дерадикализации, действующим в разных странах, с разными политическим устройством и культурно-историческими контекстами, что делает возможность обобщений проблематичной. Кроме того, большинство исследований проводятся на малых выборках.

Нефляшева предложила в качестве рабочего определение, принадлежащее ученому Дж. Хогану: «Дерадикализация включает в себя любые попытки изменить или переориентировать взгляды, которые поддерживают насильственные действия и тем самым, как предполагается, способствуют их совершению». Докладчик отметила общие черты программ дерадикализации в разных странах: 1) междисциплинарный подход и широкое использование наставничества, менторства, индивидуальных сессий участников программ со своим наставником; 2) обязательное участие в работе с участниками программы психологов и социальных работников, оказывающих помощь в социальной реинтеграции; участие авторитетных имамов и алимов, которые могут деконструировать радикальную идеологию и оппонировать практикам применения насилия; 3) во всех программах участвуют лица, бывшие участники экстремистских групп, отказавшиеся от своих убеждений.

Нефляшева подробно остановилась на том, что в историографии существует позиция, согласно которой дерадикализация – это не столько профилактика работы с потенциальными экстремистами, сколько депрограммирование (изменение убеждений) тех, кто уже радикализован. В ряде работ европейских авторов указывается, что процесс «снижения радикальности» применим как к поведению, так и к убеждениям. Если на уровне поведения – это прекращение насильственных действий, если на уровне убеждений – это рост доверия к государству, желание снова стать частью общества и отказ от недемократических средств в достижении своих целей. В основном дерадикализация поведения связана с дерадикализацией убеждений.

Нефляшева указала, что важно различать тех, кто уже прибегал к насилию в соответствии со своими радикальными убеждениями, и тех, кто склонен к этому. Для первой группы основной целью дерадикализации является предотвращение рецидива. Для второй – остановить развитие от радикальной идеи к насильственному действию. Докладчик также остановилась на сложностях выработки критериев успешности программ дерадикализации и их критике. Она обратила внимание, что многие люди отказываются от радикализма, не проходя программу дерадикализации, при наличии факторов, заставляющих людей покинуть радикальную группу и подвергнуть сомнению ее идеологию.

Л.У. Курбанова (профессор, д. социол. н., Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова) в докладе «Основные проблемы в борьбе с радикализмом в цифровую эпоху» подчеркнула, что «политический ландшафт, меняющийся у нас на глазах, способствует возникновению новых вопросов».

Курбанова считает, что приход к власти Талибана в Афганистане ставит новые вопросы перед экспертным сообществом, психологами, практиками, НКО, совместная работа которых требует консолидации. «Что мы сегодня будем считать экстремизмом внутри страны? С кем мы должны работать? Мы вступили в очень сложную фазу взаимоотношений с этой идеологией. Мир изменился, и должны измениться механизмы взаимодействия с этой идеологией», – подчеркнула Курбанова.

Докладчик поставила вопрос о насилии в тюрьмах по отношению к лицам, получившим сроки за экстремизм и терроризм. «Люди в тюрьмах подвергаются насилию, стигматизации только на том основании, что они из Чечни, что они мусульмане. Когда эти люди возвращаются в социум, они приносят ненависть не только к тем, кто издевался над ними в тюрьме, но и к системе, в которую они, по идее, должны быть встроены в мирной жизни. Это настроение аккумулируется в их семье, среди их родных и близких. Диапазон этого ультрарадикального настроения широк и не исчезает с заключением под стражу. Экстремист должен быть наказан, он должен сидеть в тюрьме. Но социальная и правовая несправедливость может привести к тому, что платформа радикализма, даваемые там индикаторы морально-нравственных ценностей, могут стать альтернативами тому, что люди видят в реальной жизни».

По мнению Курбановой, «если мы не будем сообща вырабатывать методы работы с ситуацией, мы загоним ее вглубь. Одними репрессивными мерами, стигматизацией родных и близких проблему не решить». В выработке программ дерадикализации очень важно, отметила Курбанова, взаимодействие с иностранными партнерами, «важно делиться практиками борьбы с этим общим злом, иначе конца этой борьбе не будет». «Общество, в котором мы живем, неоднозначно. Мы можем запретить что-то силовыми методами, но это работает на короткой дистанции. На длинной дистанции нам необходимо объяснить свою позицию, а для этого мы должны понимать то зло, ту идеологию, с которой сегодня боремся», – заключила Курбанова.

Доклад **Г.М. Раздыковой** (к. ист. н., руководитель Центра анализа и развития межконфессиональных отношений, Казахстан) «Опыт Казахстана по дерадикализации женщин, эвакуированных из зон террористической активности» был посвящен анализу работы с женщинами из Казахстана, находившимися на территориях, подконтрольных ИГИЛ (запрещено в РФ), эвакуированных с помощью государственных программ из Сирии. Раздыкова рассказала, что государством было организовано 5 операций, в результате которых было эвакуировано 613 граждан, из них 137 женщин, 37 мужчин и остальные – дети. Из детей 32 ребенка – круглые сироты. «На момент возвращения 20 женщин и 37 мужчин были осуждены за террористическую деятельность», – пояснила она. Аналогичные операции осуществлялись Таджикистаном, Узбекистаном и Кыргызстаном.

Раздыкова более подробно рассказала, что в ноябре 2019 г. Казахстаном была осуществлена операция «Русафа», были возвращены 14 детей, матери которых отбывают наказание за терроризм в иракских тюрьмах. Дети были переданы ближайшим родственникам. «Общество отрицательно воспринимало репатриацию, даже в отношении детей, но экспертное сообщество, наоборот, было настроено более оптимистично, говорило о необходимости возвращения граждан Казахстана для предотвращения вступления детей в террористические организации».

По мнению Раздыковой, важной проблемой является стигматизация женщин, причастных к терроризму. «Все возвращенные женщины выходили в эфир, некоторые выступали на международных площадках и рассказывали о тех ужасах, которые они пережили». Раздыкова обратила внимание участников круглого стола на отсутствие терминологического аппарата, определяющего лиц, эвакуированных из Сирии. «Их называют „репатрианты“, „иностранцы боевики“, „возвращенцы“ и т. п., что усложняет процесс их дерадикализации». Существует проблема индикаторов дерадикализации, – отметила докладчик, – приняты 12 критериев, по которым можно судить, что человек не радикален. Но людей сложно описать 12 критериями, поэтому это усложняет и процесс диагностики, и работу».

Раздыкова отметила, что все женщины побывали в карантинном реабилитационном лагере, где в течение 30 дней с ними работали специалисты. «Процесс реабилитации включает следующие направления: психологическое, теологическое, и медицинское сопровождение». Что касается женщин и детей, эвакуированных из Сирии, – это и серьезное социально-медицинское сопровождение», – отметила Раздыкова.

Юридическое обеспечение процесса реабилитации – один из определяющих этапов программы. «Для детей, рожденных на территории Сирии, была проведена геномная экспертиза, чтобы установить факт родства с матерями. На основании экспертиз подавались иски в суд, и детей признавали гражданами Казахстана». Раздыкова считает, что возможно классифицировать возвращенных женщин по 4 категориям: 1) ведомая категория – женщины, завербованные своими мужьями и уехавшие вслед за ними; 2) женщины, которые уехали самостоятельно, без сопровождения мужчин (работа с этой категорией осложнена); 3) женщины, которые на момент начала боевых действий в Сирии уже воевали в террористических группах на территории других государств (они переехали и примкнули к ИГИЛ (запрещено в РФ)); 4) женщины старшего возраста, уехавшие за сыновьями или племянниками с целью их вернуть, но не имевшие возможности вернуться в Казахстан в связи с тем, что в Сирии у них отняли паспорта.

Риски повторной радикализации, как считает докладчик, сохраняются. В Казахстане Министерство общественного развития, курирующее эту работу на национальном уровне, уже заявило о 95 % успешно реабилитированных. Раздыкова считает, что эта цифра спорная, однако уверена, что действующая в Казахстане программа позволяет достичь стойкой ремиссии радикализма. «Эти женщины отказались от радикальных направлений ислама, но многие из них остаются на убеждениях ваххабитской идеологии в умеренной трактовке».

Работа с детьми гораздо сложнее, она требует такта и деликатности, «поскольку дети уже впитали радикальные воззрения».

В заключение Раздыкова указала на факторы, влияющие на риски повторной радикализации женщин: семейное окружение женщины (если женщина возвращается в ту же радикальную среду, где она была на момент ее радикализации, то риски радикализации возрастают в несколько раз); брак с представителем адепта местных радикальных течений; неприятие со стороны социального окружения женщины, в т. ч. входящего в традиционный джамаат; агрессия, недоверие со стороны родственников, друзей. Факты физических увечий, тяжелых форм инвалидности, амнезии, контузии, ПТСР также затрудняют прохождение процесса социальной реабилитации. «Женщины, возвращенные из Сирии, разъехались по всей стране. В разных регионах Казахстана работа с ними строится по-разному; есть регионы, где женщины не вовлечены в программы реабилитации, значит, риск повторной радикализации возрастает. Сказываются и

бытовая неустроенность, и жилищные проблемы». Раздыкова считает, что работу осложняет нехватка теологов, имамов, способных вести работу с женщинами. «Среди эвакуированных женщин есть те, кто преподавал шариат, акыду, фикх на территории Сирии. Они в религиозном плане продвинуты, и работа с ними осложнена». Некоторые женщины сохраняют эмоциональную связь с так называемыми «подругами» и мужьями, оставшимися в плену. Эта связь затрудняет реабилитацию.

Докладчик обратила внимание на то, что гиперопека со стороны государства по отношению к участницам этой программы имеет обратный эффект. «Человек не вырабатывает стрессоустойчивость, механизмы психологической защиты. Это приводит к формированию у женщин психологии иждивенчества».

Г.В. Лукьянов (старший преподаватель НИУ ВШЭ, научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН) в докладе «Между проповедью религиозных авторитетов и рекомендациями международных организаций: ливийский опыт и проекты дерадикализации и демилитаризации» обосновал актуальность ливийского опыта: «Он интересен и полезен как с точки зрения выработки методологии к изучению проблемы дерадикализации, ее осмыслению, так и с позиции применения этой методологии к изучению проблем североафриканского региона».

Лукьянов рассказал, что новый этап в развитии Ливии, начавшийся 10 лет назад с февральской революции и свержения Муаммара Каддафи, характеризовался разрушением ранее существовавших политических институтов и сопровождался участием разных групп террористической направленности. «Это привело к усилению процессов радикализации и поставило на повестку проблему дерадикализации в труднообозримой перспективе, когда от конфликта мы перейдем к стадии постконфликтного урегулирования». Лукьянов охарактеризовал ситуацию в Ливии с конца 2011 по 2019 г., остановившись на ключевых событиях этого периода, – всеобщих выборах в 2012 г., спорадическом росте антисистемных исламистских движений в 2012–2013 гг., которые отказались от участия в выборах и признания какой-либо легитимности выборов, идеологическом конфликте между исламистами и секуляристами в 2014 г., всплеске военной активности, вызванной наступлением войск Ливийской национальной армии Халифа Хафтара в 2019 г. с востока на Триполи. «Ливия расколота на две части, в этом состоянии страна пребывает и по сей день, несмотря на успехи в политическом посредничестве со стороны международных организаций», – заметил докладчик.

В 2020 г. в Ливии стартовал политический процесс, дающий надежду на разрешение ситуации мирным путем за столом переговоров. В стране с 2011 г. действует большое количество нерегулярных вооруженных формирований, которые росли с каждым годом. «При этом они были практически автономны, в отдельных случаях вполне самостоятельны, что говорит об увеличении общего объема вооружений у населения, о росте числа граждан, в т. ч. молодых, в этих вооруженных формированиях, об отсутствии доверия населения к государственным структурам, госслужбе, любым сферам мирного зарабатывания денег и построения карьеры». По мнению докладчика, участие в вооруженных нерегулярных формированиях становится естественной формой самореализации для молодежи, что можно интерпретировать как элемент радикализации. Лукьянов обратил внимание на комплекс актуальных факторов, уникальных для ливийского случая. «Ливия – страна с большим процентом молодого населения. Количество молодого населения в возрасте до 25 лет оценивается в более чем 65 % от общего числа жителей. Это достаточно серьезно, учитывая, что экономическая модель

Ливии не ориентирована на всеобщую занятость. Нефтяные доходы всегда позволяли потребность в рабочей силе покрывать за счет трудовых мигрантов, без вовлечения местных жителей. После краха режима Каддафи это сыграло дурную шутку в посткаддафийской Ливии. С одной стороны, люди не хотят идти работать, с другой – им некуда идти работать. Экономика мирной Ливии уже в полной мере не работает». Лукьянов считает, что «возникает ситуация, когда экономическая целесообразность в большей степени, чем идейный вакуум, мотивирует людей к участию в формах радикальной деятельности».

Важной особенностью Ливии является то, что «общество разобщено в этническом и в племенном плане. Ливийская нация не созрела». Лукьянов остановился и на образовательном факторе. «Несмотря на то что на местном уровне работают школы и отдельные университеты, образовательная система не справляется с комплексом своих функций. Население Ливии не только мало образованно, но и мало информировано».

«Серьезным фактором, – подчеркнул докладчик, – остается миграционный фактор, влияющий на процессы радикализации. Вспоминая ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ), необходимо отметить, что на территории Ливии эта организация на 80 % состояла из иностранцев. Наконец, в Ливии качество государственного управления не выдерживает никакой критики в условиях краха государственных институтов в первые послереволюционные годы».

Лукьянов выделил в Ливии три типа радикальных структур: *международные террористические организации* (Аль-Каида, ИГИЛ – запрещены в РФ), где ливийцы составляют меньшинство; основу этих организаций составляют мигранты из Туниса, Алжира, Египта; *локальные антисистемные исламистские организации*, действовавшие особенно масштабно в 2012–2015 гг.; в них ливийцы участвуют больше, но эти организации практически сходят на нет в период второй гражданской войны; *полу-, псевдо- и иррегулярные вооруженные формирования* выполняют сегодня социальную, экономическую, политическую, мобилизационную, идеологическую и другие функции.

По мнению Лукьянова, дерадикализация в ливийском кейсе означает в первую очередь демилитаризацию, т. е. не только разоружение вооруженных формирований, но и создание социально-экономических условий и определенного духовного наставничества. «Важно создание экономического бэкграунда и сфер занятости для тех, кто задействован в вооруженных формированиях». Лукьянов подчеркнул, что невозможно реализовать программу демилитаризации и дерадикализации без создания ценностной модели, которая бы объяснила необходимость исключения насилия как инструмента разрешения комплекса политических и экономических проблем.

Докладчик выделил два тренда в реализации дерадикализации. «Первый идет извне – со стороны международных организаций и таких посредников, как США. В 2020 г. глава Миссии ООН по поддержке Ливии (МООНПЛ) С. Уильямс выдвинула идею создания формы ливийского политического диалога. В условиях COVID-19 он функционировал исключительно в онлайн-формате. Его вели в основном делегаты от гражданского общества. Однако представление о том, что в Ливии есть гражданское общество, является, скорее, внешним, чем внутренним. Второй тренд идет снизу – от различных исламских религиозных авторитетов. Но здесь также нет единства и много внутренних конфликтов». Лукьянов оценил перспективы дерадикализации как сложные, поскольку «это многоначалие говорит, с одной стороны, об отсутствии единой модели дерадикализации, а с другой – на уровне страны тоже не стоит ждать консенсуса».

А.Н. Мосейко (к. филос. н., в. н. с., ЦЦРИ Института Африки РАН) в докладе «Особенности радикализации и дерадикализации в Африке» обратила внимание участников дискуссии на два фактора – особенности ислама в Африке и особенности радикализма в Африке. «Вопрос об особенностях ислама в Африке был поставлен достаточно давно африканским исследователем Ампате Ба, который сравнил африканский ислам с прозрачным ручьем, отражающим то, что на дне, и зависящим от всех изгибов и особенностей почвы. Ислам в Африке тесно связан и зависим от традиционной африканской культуры. В какой-то мере ислам вторичен, потому что во всех зонах исламского влияния сильны традиционные системы африканской культуры. Традиционная культура была значительно разрушена в период колониализма, но после обретения независимости странами Африки она усиленно восстанавливается и сейчас достаточно сильна».

А.Н. Мосейко подчеркнула, что «радикализм в Африке очень разнообразен и зависит, во-первых, от особенностей сообщества, в котором возникает, и, во-вторых, от экономических, политических, этнических, религиозных проблем в данном регионе». Докладчик проиллюстрировала это примерами. По мнению А.Н. Мосейко, «в Африке четкой программы дерадикализации исламистов нет. Существует борьба против радикального ислама, которая ведется самими мусульманами. В исламе человеческая жизнь священна так же, как и в традиционной культуре народов Африки. Вся исламская культура, ее доктрина, право, этика отрицают радикальный ислам и прежде всего терроризм».

В Африке многие мусульмане участвуют в движениях по защите населения от действий террористических группировок. Радикализм, как правило, особенно в Африке, выступает под лозунгами тех проблем, которые широко известны, понятны и волнуют граждан. Западное засилье и антизападные настроения очень развиты в африканских странах, особенное неприятие у многих людей вызывают западные стандарты образования, красоты, моды, системы правительственных учреждений. Иногда само название движения («Боко харам» – западное образование запрещено) и его направленность скрывают более глубокие причины его возникновения. В частности, в Нигерии это движение прикрывает борьбу за распределение нефтедобывающих территорий, за ресурсы, т. е. экономические проблемы. Люди создают пункты защиты от нападения «Боко харам», существуют пункты по защите лагерей, некоторых территорий, церквей и мечетей, в них работают и мусульмане, и христиане.

А.Н. Мосейко привела примеры различных концепций в Африке, например уджамаа, в которой борьба против радикального ислама не является главной. Она рассказала об обществе «Надежда», организованном в Камеруне для лечения раненых и инвалидов. «Это уникальный кейс, в обществе работают мусульманские и христианские врачи. В этих обществах вне зависимости от принадлежности, вне зависимости даже от участия в „Боко харам“ оказывается медицинская помощь раненым и инвалидам».

Мосейко обратила внимание на явление гибридного управления. «Суть гибридного управления в том, что если государство недостаточно справляется с террористическими группировками, то в силу вступают традиционные системы, – отметила докладчик, – они берут в свои руки управление и защиту населения от террористических группировок». Она рассказала, как лидеры сообществ апеллируют к своим землякам, ставшим участниками экстремистских групп. Часто под их влиянием участники террористической группировки оставляют свою деятельность, возвращаются в свою область и включаются в борьбу против террористической группировки, действующей в данной области.

Мосейко обратила внимание, что в Африке есть народы, где трудно или даже невозможно провести дерадикализацию. «Ннуэры (нилотская группа) – народ Судана, принципиально против всякого управления. Сейчас они тоже образовали некоторые группировки и выступают против правительственного управления».

Е.В. Харитонов (к. психол. н., с. н. с. ЦЦРИ Института Африки РАН) в сообщении «Проблемы радикализации и дерадикализации глазами социального психолога: африканский акцент» обратила внимание на недостаточность системного подхода в понимании самой сути явлений радикализации и дерадикализации. Она представила методы и подходы социальной психологии, которые, возможно, помогут разобраться в этой теме.

Харитонов указала, что основные методы психологического воздействия – убеждение, внушение, заражение, подражание, которые тоже присутствуют при радикализации. «Когда мы рассматриваем возможности психологического подхода, простое решение может оказаться наиболее эффективным. Если взять пирамиду Маслоу, то можно посмотреть ее разные уровни. На первом этаже пирамиды витальные потребности – выживание. На втором – проблемы безопасности. На третьем – вовлеченность в социальную жизнь, социальные сообщества. На четвертом – статусные моменты. Далее – познание и самореализация. На последнем – самоактуализация, либо идея, либо идеологический уровень. Если представить эту пирамиду, можно понять, что именно на всех ее этажах предлагают людям террористические группировки и что предлагается им взамен в программах дерадикализации».

Харитонов обосновала, что «на уровне выживания многие идут в террористические группировки, потому что там им сулят деньги, обеспеченность. Программы дерадикализации тоже предлагают реализацию потребностей на этом уровне – разного рода пособия, решение бытовых и жилищных вопросов и т. п. На уровне безопасности террористические группировки на каких-то этапах предлагают защиту. В программах дерадикализации обеспечение безопасности на законодательном уровне предлагается членам экстремистских организаций с низким уровнем риска, а также мигрантам, беженцам (не тождественных террористам). На уровне вовлеченности в социальную жизнь – это принадлежность к группировке, разделяющей определенную систему ценностей. На уровне статуса – в террористической группе люди могут стать командирами, женами командиров и т. д. Программы дерадикализации также предлагают альтернативы. Но возможно ли в программе дерадикализации альтернативное предложение и насколько оно будет привлекательным? На уровне познания, образования программы дерадикализации предлагают профессию и религиозное образование». По мнению докладчика, именно на уровне идеи возникают самые большие сложности. «Очень трудно победить идею, идею-миссию пушками, законами, силовыми методами или методами социальной изоляции, заключения в тюрьмы. Этому можно противопоставить только уничтожение либо другую идею, которая может быть более привлекательной». «В настоящее время, – отметила Харитонов, – такую идею мы предложить не можем».

«Социальная психология, – считает Харитонов, – может предложить некоторую структурированную схему исследований, и, возможно, это поможет нам продвинуться в решении и понимании поставленных задач». Харитонов предложила посмотреть на социально-психологические проблемы людей через социализацию личности. «Можно говорить о проблемах идентичности, в том числе протестной. Многие идут в экстремистские группировки в знак протеста против новой европейской этики, западных ценностей. На мотивационном уровне это

может быть и протест, и решение геополитических задач таких, как построение халифата и т. д., и бизнес (в битвах за ресурсы). Люди в террористических группах могут быть и наемниками, и иностранными гражданами».

В настоящее время программы дерадикализации вызывают большой скепсис именно потому, что они рассматривают проблему на нижних этажах пирамиды потребностей.

Р.Р. Сафиуллина-Ибрагимова (к. филол. н., доцент Института международных отношений Казанского федерального университета) и **Ф.Х. Хасанова** (секретарь Межведомственной группы по вопросам профилактики терроризма и экстремизма в г. Казани) подготовили совместный доклад «Признаки деструктивных групп и критерии реабилитации бывших адептов. Постановка проблемы на примере опыта реабилитации бывших участников исламских групп в Татарстане». Докладчики отметили, что «реабилитация представляет собой восстановление разрушений, которые произошли в деструктивной группе, и формирование адаптивной способности человека. Это восстановление ресурсов: физических, когнитивных, эмоциональных, поведенческих, социальных (это наиболее важная категория, т. к. она включает, помимо прочего, и восстановление социального статуса человека). На практике происходит выдавливание бывших адептов из социального поля».

Докладчики указали, что освободиться от клейма радикала и экстремиста человеку, у которого был негативный опыт участия в деструктивной группе, зачастую оказывается практически неразрешимой задачей. В ходе доклада ими были поставлены следующие вопросы: 1) существуют ли какие-то разработанные индикаторы, определяющие качество и степень реабилитации? 2) можно ли выявить критерии, подтверждающие, что восстановление личностных разрушений, которые произошли из-за нахождения в деструктивной группе, состоялось? 3) что может привести в решение этой проблемы научное сообщество и правомерна ли такая постановка вопроса вообще?

Важно снабдить общество знаниями о том, что такое деструктивная группа, и восстановить эмоциональные ресурсы, что значит снизить факторы, которые воспринимаются негативно, и сформировать способности адекватно воспринимать трудности окружающего мира, преодолеть упрощенное восприятие. «У нас в школах не развивают эмоциональный интеллект. А необходимо принимать как положительные, так и отрицательные эмоции. Речь идет не о контроле эмоций, а об управлении ими. Важно выстраивание поведенческих стереотипов с людьми других религий, с неверующими». Докладчики подчеркнули, что «во всех религиозных традициях есть понятия «Мы» и «Не-мы», и важен навык правильного взаимодействия с инакомыслящими через позитивные, конструктивные формы. Дерадикализация предполагает выработку этих навыков, а также восстановление коммуникативных ресурсов, выработку коммуникативных навыков».

В процессе дерадикализации самое главное – восстановление социальных ресурсов, т. е. взаимодействие с окружающим миром (семьей, обществом). «Для адептов радикализма характерно отмежевание от других, большая привязанность к группе, разрушение семьи». Общепринятых критериев, по которым можно определить качество реабилитации, нет. Есть тесты, определяющие стадии психотерапии, но академически проработанного исследования в этой области нет. Это требует осмысления, систематизации и рефлексии». Докладчики провели аналогию с работой с наркозависимыми, когда изменение образа жизни человека затрагивает его «Я-концепцию», его идентичность. «Крайне важно при этом, как на этого человека реагируют другие, важен социальный аспект. Очень часто

наркозависимые срываются именно потому, что окружающие говорят: „Ладно-ладно, мы-то знаем, что ты все равно наркоман“. Человек срывается, и вся реабилитация обесценивается, происходит откат».

Докладчики обратили внимание на необходимость выработки аргументов для тех представителей государственных структур, общественных организаций, силовых структур, научного сообщества, которые взаимодействуют с бывшими адептами деструктивных групп. Это очень сложная проблема, которая нуждается в решении. «На практике оказывается невозможным освободить человека от клейма радикала и экстремиста. Отношение силовых структур к бывшим адептам – это серьезная проблема, так как их задача заключается в том, чтобы не верить, не пускать, сдерживать, не допускать совершения противоправных действий. Если человек что-то подобное совершил, то к нему, конечно, повышенное внимание. Но необходимо работать не только с этими людьми, но и с представителями соответствующих структур». Докладчики поделились опытом Казанского федерального университета, где были проведены круглые столы, курсы с привлечением представителей силовых структур, служб безопасности, учреждений системы исполнения наказаний. «Очень часто общество не принимает тех, кто был участником террористических групп. Даже люди, раскаявшиеся и сотрудничающие с правоохранительными органами, не воспринимаются ими как благонадежные. Такие люди часто не имеют права на помилование, на условно-досрочное освобождение. У них возникает мысль, что им не дают второго шанса, хотя они все поняли, осознали и хотят исправить свою жизнь. Человек не может официально трудоустроиться, банки блокируют его счета».

Докладчики отметили, что молодежь не может получить ответы на животрепещущие вопросы, например, что такое халифат, ИГИЛ (организация, запрещенная в РФ), как ориентироваться в современной политической обстановке. «В учебных заведениях эти вопросы не поднимаются, и молодые люди ищут ответы на эти вопросы в Интернете, а мы не предоставляем им альтернативные площадки, где можно свободно разговаривать на тему халифата, джихада, радикализации, обсуждать острые проблемы, связанные с политическим исламом. Любая потребность разобраться в этих вопросах навешивает на людей ярлык неправильно мыслящих».

О.В. Карпачева (к. ист. н., н. с. ЦЦРИ Института Африки РАН) в сообщении «Опыт мезосоциальных программ по дерадикализации различных групп населения в Германии» отметила, что со времен окончания Второй мировой войны в Германии не прекращается борьба с многочисленным и агрессивным праворадикальным движением. И если неонацисты для Германии достаточно старая проблема, то радикальные исламские активисты проявили себя в стране только в 2004–2005 гг. В настоящий момент, согласно данным официального сайта МВД Германии, за последние 6 лет их количество выросло почти в 3,5 раза.

«Немецкий институт исследования радикализации и дерадикализации» выделяет 4 составляющие мезосоциальных программ по деконструированию радикальной идеологии, действующих в Германии: 1) государственно-частное партнёрство, 2) контекстуальная гибкость программ дерадикализации, 3) сотрудничество НПО с полицией, 4) работа над обеспечением доверия к программам со стороны полиции. Под государственно-частным партнерством в первую очередь подразумевается «горячая линия» МВД, которая, оказав предварительную консультацию обратившейся стороне, направляет данные в одно из агентств-НПО. Последние уже занимаются долгосрочным консультированием всей семьи вовлеченного в экстремизм человека. С 2011 г. консультационные

линии местного значения начали формировать целые сети, связывающие социальные органы, органы опеки, правоохранительные органы и НПО, чтобы консультировать граждан и не выпускать из поля зрения тех, кто обращался на «горячие линии». Под контекстуальной гибкостью программ дерадикализации понимается грамотный процесс коммуникации с представителями разных социальных групп, где процесс консультирования – это развитие обычных человеческих доверительных отношений.

Карпачева отметила, что работа над созданием личных связей сотрудников НПО и полицейских является важной особенностью дерадикализационных программ в Германии. Как правило, полицейские, работая с семьей обвиняемого в экстремизме, общаются с его родственниками как с преступниками, проводят обыски в домах, конфискуют все компьютеры и мобильные телефоны, совершают рейды в ночное время, видя в родственниках только помеху. Консультант в этом случае становится необходимым посредником, который сильно повышает результативность всего процесса. Планомерная работа по обеспечению доверия со стороны полиции к дерадикализационным программам и сотрудникам НПО является важной составляющей общей политики. Как показывает опыт, заручиться доверием со стороны полиции оказывается гораздо сложнее, чем завоевать доверие консультируемых семей. Полицейские склонны не доверять людям извне и считать, что большинство вопросов должны решаться силой и давлением. Поэтому один из основных факторов успешного сотрудничества с полицией – это подбор персонала. В команду в качестве консультантов НПО стараются нанимать вышедших в отставку полицейских, которые могут «говорить на языке полиции» с полицией.

Сопротивление полицейских внедрению программ дерадикализации является одним из главных препятствий для реализации этих программ по всему миру. Проблемам взаимодействия полиции и общества посвящено совсем немного исследований в США, Великобритании, Франции, Италии и Хорватии. Карпачева отметила, что исследования выявили много схожих черт. Это чувство полнейшей изолированности полицейских от населения, восприятие ими гражданского общества как противоборствующей, а не как сотрудничающей стороны. Ещё одна особенность – сильнейшее чувство внутренней сплоченности против внешнего общества, СМИ и зачастую собственного начальства. Помимо этого, полицейские склонны критично воспринимать любые заявления со стороны НПО и политиков, затрагивающие программы дерадикализации.

Карпачева подчеркнула, что пока не существует достоверных исследований, позволяющих оценить эффективность той или иной модели дерадикализации, в том числе и немецкой. С одной стороны, в Германии уменьшилось число иностранных боевиков на территории страны, но не зафиксировано сокращение количества боевиков, уезжающих в Сирию и Ирак за последние годы. Если же проанализировать качественные изменения за последние несколько лет, то станет видна явная позитивная динамика: возвращение подростков в школу и обретение ими хобби, расширение круга друзей-немусульман и появление планов на будущее.

Заключение

По окончании круглого стола развернулась дискуссия, в которой приняли участие Брилев Д.В. – к. филос. н., Национальный университет им. М. Драгоманова, Киев; Павлова О.С. – к. психол. н., доцент (МГППУ, Москва); Назаров Р.Р. – к. филос. н., доцент (Ташкентский филиал РЭУ им. Плеханова); Пономарев И.В. – к. ист. н., с. н. с. (Институт Африки РАН); Сулумов С.Х. – к.

геогр. н., доцент (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Грозный; Ткаченко А.А. – к. эк. н., зав. Центром изучения стран Северной Африки и Африканского Рога (Институт Африки РАН); Шишкина А.Р. – к. полит. н., научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации (НИУ ВШЭ – Институт Африки РАН).

Участники круглого стола пришли к общему мнению, что поиски стратегий дерадикализации, уточнение терминологии и дефиниций остаются актуальными, несмотря на весь накопленный материал по проблематике радикализации и дерадикализации исламистов. Политические реалии, меняющиеся на глазах, создают необходимость нового осмысления механизмов взаимодействия с идеологией радикализма. Выработка научно обоснованных стратегий дерадикализации, разработка проблемы индикаторов дерадикализации и общепринятых критериев определения качества и успешности этих программ остаются актуальными задачами современности. Разработка и внедрение долгосрочных программ дерадикализации представляются невозможными без учета исторического, политического и социально-экономического регионального и цивилизационного контекстов, особенностей психологических аспектов радикализации и готовности сил внутренней безопасности к комплексной политике её предотвращения.

Материалы круглого стола будут использованы и частично опубликованы в очередной коллективной монографии в рамках проекта ЦЦРИ ИАФР РАН «Радикальные исламистские движения на политической карте современного мира».

Литература

1. Проблемы дерадикализации молодежи на постсоветском пространстве. Международная конференция – круглый стол 09.11.2017 в рамках VIII казанского Международного научного форума «Ислам в мультикультурном мире». Ч. 1. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=LcZ5jLUnLew> . (дата обращения 20.09.2021). Ч. 2. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=gyFCwLiZcJM> (дата обращения 20.09.2021).
2. Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде: материалы Всероссийского форума (г. Москва, 25 сентября 2018 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 246 с.
3. Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 9–11 октября 2018 г.) / отв. ред. Р.Ф. Патеев. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. – 368 с.
4. Сокирянская Е.Л. Можно ли предотвратить новые волны радикализации на Северном Кавказе? // «Стоит ли ожидать новых волн радикализации на Северном Кавказе? Можно ли их предотвратить? Экспертный круглый стол 30.01.2019 в Москве в пресс-центре «Новой газеты». – М., 2019. – 73 с.
5. Психология экстремизма, радикализации и дерадикализации. Постоянный научно-методологический семинар МГППУ. – Режим доступа: <https://mgppu.ru/project/406> (дата обращения 30.09.2021)/
6. «Профилактика экстремизма и технологии дерадикализации в работе с подростками» // Подросток в мегаполисе: дистанционное взросление сб. трудов XIV Межд. научно-практич. конф. (г. Москва, 6–8 апреля 2021 г.). – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2021. – 174 с.

References

1. Problems of Deradicalization of Youth in the Post-Soviet Space. International conference – roundtable discussion on November 9, 2017 within the framework of the 8th Kazan International Scientific Forum “Islam in a Multicultural World”. Part 1. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LcZ5jLUnLew>. (reference date: 20.09.2021). Part 2. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gyFCwLiZcJM> (reference date: 20.09.2021).
2. Countering the Ideology of Terrorism in Education and Among Young People: Proceedings of the All-Russian Forum on September 25, 2018). – Moscow: MGIMO University, 2018. – 246 pp.
3. An Experience of Deradicalization and Re-Socialization of Adherents of Extremist and Terrorist Ideologies: Proceedings of the international scientific and practical conference. Kazan, October 9–11, 2018 / Ed. by R.F. Pateev. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2018. – 368 pp.
4. “Should We Expect New Waves of Radicalization in the North Caucasus? Can They Be Prevented?”. Expert roundtable discussion on January 30, 2019 at the Novaya Gazeta press center (Moscow). The report discussed: E.L. Sokiryanskaya. Is It Possible to Prevent New Waves of Radicalization in the North Caucasus? – M., 2019. – 73 pp.
5. Psychology of Extremism, Radicalization and Deradicalization. Ongoing academic and methodological seminar of MGPPU [Moscow State Institute for Psychology and Pedagogics]. – URL: <https://mgppu.ru/project/406> (reference date 30.09.2021)
6. “Prevention of Extremism and Deradicalization Technologies When Working with Adolescents”. Roundtable discussion during “Teenager in Megapolis: Remote Growing Up” conference // Proceedings of the 14th International scientific and practical conference (April 6–8, 2021, Moscow). – Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2021. – 174 pp.